

XXXIII

Ярко светит солнце, погода чудесная.

Мы пробираемся тихими улицами; вьющиеся растения свешиваются со стен на камни баррикад. Горшки цветов увенчивают гребни заграждений.

Голубая, сверкающая Сена катит свои воды между пустынными, но залитыми светом набережными.

Перейдя реку, сразу чувствуешь, что здесь сопротивление носит серьезный характер. За каждой грудой вывороченных из мостовой камней скрыт небольшой отряд. Бойцы здороваются с нами и говорят в ответ на наши дурные новости:

– Может быть, здесь нам больше повезет... Да и потом – будь что будет!.. Мы исполним наш долг, вот и все!

И часовые снова усаживаются с видом крестьян, отдыхающих в час, когда в поле им принесли обед.

Рядом с пиджаками – женские платья, и даже мелькают детские рубашонки. Жена с сынишкой принесли бульон и жаркое, разостлали скатерть на голой земле.

Мы предлагаем им выпить стаканчик.

– Только маленький! – говорят они.

Среди всех, с кем мы чокались, не было ни одного пьяного.

Площадь Вольтера. Мэрия XI округа

Коммуна заседает.

– Да где же?

– Наверху, в большом зале.

Неверно: Коммуна не заседает.

Командиры, простые бойцы, люди в кепи с одним или несколькими галунами, в поясах с белыми и желтыми кистями, члены нашего и Центрального комитета – все смешались в одну кучу, и все совещаются.

Какой-то лейтенант, взобравшись на стол, требует поставить кордоны на границах округа и декретом запретить кому бы то ни было переходить за них.

– Уже есть случаи дезертирства, – кричит он грозным голосом, – и они будут еще...

И, протянув руку по направлению к двери, где столпилось несколько человек, украшенных галунами, кричит:

– Дюжину пуль тому, кто вздумает удрать!

Взятие Монмартра вывело из себя даже самых спокойных и посеяло в душах семена подозрения.

Монмартр, который должен был быть вооружен до зубов, Монмартр, не подпустивший к себе неизвестно откуда взявшийся генеральный штаб квартала, Монмартр, чей военный делегат лично отгонял штатских, – этот Монмартр сдан, продан... Снаряды оказались не того калибра, орудия не держались на лафетах, отдавалась ложная команда, и вот... над холмом развевается трехцветное знамя.

Это предательство обезглавило оборону. Оно подписало также смертный приговор всем тем, над кем в течение двух последних дней был занесен кулак федератов или на кого указывал палец женщины, – в этом залитом кровью цирке, откуда исчез карликовый цезарь и куда он хочет вернуться.

Он не пожалел казны республики, чтобы усмирить республиканцев. Конечно, ему пришлось прибегнуть к помощи мула, нагруженного золотом[207], для того чтобы открылись некоторые проходы, чтобы священный холм, изрыгнувший Винуа и поглотивший двух генералов, мог быть так быстро захвачен солдатами!

Заподозренные уже прошли перед нами, подгоняемые толпой. Мы нырнули в этот людской поток, но нам не удалось выловить ни одного человека.

Один из пленников оказался отчаянным малым. Он стрелял из окна и хвастал этим до последней минуты. Он пал, прохрипев: «Долой Коммуну!»

Другой защищался против обвинения в предательстве и требовал, чтобы его отвели к начальству. Он разговаривал, как рантье из Маре.

– Я никогда не занимался политикой!

- За это-то я и хочу прикончить тебя, - ответил один из бойцов. Час назад пуля пробила ему левую руку, а сейчас он правой наводил револьвер на того, кого тащила толпа.

И он уже готов был выстрелить, когда вдруг решили, что нельзя все-таки учинять самосуд и что нужно отвести этого человека в Комитет общественного спасения, как он сам этого требовал со слезами на глазах.

- Комитетчики его отпустят... Это так же верно, как то, что я потерял пять пальцев, - ворчал раненый, потрясая своим обрубок, словно затянутым в красную перчатку. - Люди, не занимающиеся политикой!.. Да ведь это же самые большие трусы и негодяи! Они выжидают, чтобы знать наверняка, на кого наплевать и с кем лизаться после бойни!

И он побежал, бледный от бешенства, за конвоем пленника. Тряпки, обертывавшие его руку, свалились по дороге, но он не поднял их, а только засунул в карман куртки свою руку, похожую на огромный сгусток крови.

Жутко смотреть, как тонет человек среди людских волн!.. Вот покажется на миг из этого водоворота его лицо, и он, как утопающий, бросит взгляд на небо... Иногда он даже взывает к богу! Но его пришибает удар кулака или приклада, и он снова скрывается, чтобы появиться уже в последний раз с помертвевшей, бессильно болтающейся головой...

- Но если он все-таки невиновен!

- А полиция? Разве она церемонится, расправляясь со своими жертвами? И разве представители правосудия так уж тщательно проверяют, действительно ли состоящий под следствием совершил то, в чем его обвиняют... когда после всяческих истязаний, после полицейского участка и Мазаса они посылают на суд присяжных невинных, которых этот суд потом оправдывает?! А если уж выносится обвинительный приговор, то это - смиренная рубашка или саван, эшафот или каторга!

Он замолк и начал лихорадочно считать патроны в своем патронташе.

Появляется Варлен в телеге со скамьями.

- Знаешь, где я раздобыл эту колымагу? Это - колесница палача.

- О чем вы тут толкуете?

В кучке людей, которые кричат и жестикулируют около него, я узнаю кузнеца Малезье.

– О Домбровском. Представь себе, это я задержал его тогда у Сент-Уанских ворот. Мне показалось, что он хочет удрать. Легко было заподозрить это, подумай сам: за углом оседланные лошади, адъютанты поглядывают в сторону пруссаков!.. я уверен, что он не направлялся в Париж, – он, который умер так славно!

– Говорю вам, что здесь что-то неладно, – энергично поддерживает один федерат. – Ведь то, что он довел до сведения Коммуны о предложении версальцев, еще не доказывает, что он не спелся с Тьером[208].

Тление еще не коснулось покойника, а память о нем уже тронута червоточиной... И Верморель только напрасно потерял время и труд на свое надгробное слово.

Обойдя с Лефрансе, Лонге и еще несколькими товарищами бивуаки бойцов, мы снова направились в мэрию.

Вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Это – Жантон[209], бланкист.

– Как дела?

– Гм... Неважно! Мы только что совершили неприятное дело: пришлось расстрелять парижского архиепископа, Бонжана[210] и еще троих или четверых...

Какой-то мрачный недоносок вставляет свое слово:

– Дарбуа[211] хотел было дать мне свое благословение... а вместо этого я послал ему свое.

Мне уже случалось встречать этого замухрышку! Он был самым непримиримым на всех собраниях и выступал как ярый сторонник свободного брака.

У него была незаконная жена. Он обожал ее, и она вертела им как хотела. На ее резкости он отвечал детской лаской. Они быстро мирились, – женщина была не злой, – и трогательно было видеть, как этот маленький дрозд нежно ворковал под крылышком этой большой курицы.

И вот этот-то дрозд вдруг ощетинился и просвистал в уши уходящего в вечность прелата насмешливую песенку своего безбожия.

Лефрансе, Лонге и я – мы все побледнели.

– По какому праву, от чьего имени совершились эти убийства? Ответственность за эту бойню падет на всю Коммуну в целом. Наши шарфы запятнаны брызгами их мозга!

– Приказ подписал Ферре, а также, как говорят, и Ранвье.

Неужели это правда?

Со стороны Ферре это меня не удивляет. Я встретил его в тот момент, когда, отдав распоряжение расстрелять Вейссе[212], он следил с высоты Нового моста за тем, как совершалась расправа и как потом тело было брошено в Сену. Он был спокоен и улыбался.

Это фанатик. Он верит в силу и применяет ее, не заботясь о том, сочтут ли его жестоким, или великодушным. Он сводит на нет как безоружных, так и вооруженных: удар за удар, голову за голову, – все равно голову волка или барана, – и механически прикладывает свою делегатскую печать ко всякой бумажке, которая приводит к уничтожению врага.

Враг – и священник, и сенатор, скорчившиеся в своих тюремных камерах. Дурные они или хорошие, не все ли равно! Сами по себе они мало значат и никому не нужны. Они лишь манекены, которых необходимо повергнуть ниц перед историей: Июнь убил Аффра[213], Май убьет Дарбуа.

Несчастный Дарбуа! Я видел, как у этого самого Ферре, так безжалостно осудившего его, вырвался жест сострадания, когда я, после одного посещения Мазаса, рассказывал ему об этом бледнолицем пленнике, который лихорадочно метался, почти на свободе, по огромному тюремному двору и при виде нас убежал, как затравленный зверь!

Но делегат при префектуре счел долгом раздавить свое сердце, как изменника, как сообщника буржуазии, и во имя Революции он повиновался массе.

– Но эта бойня ужасна! Ведь это пожилые люди, безоружные пленники! Все будут кричать, что это – подлость!

– Подлость?! А что вы скажете, господин литератор, о сентябрьских убийствах? Или вы только шутили, советуя нам поступать, как в девяносто третьем году?

Какой-то доктринер сокрушается и причитает:

– Вы сыграли на руку противнику: Тьеру только это и нужно было. Теперь старая гиена будет облизывать себе губы!.. Разве Флотт[214] не рассказал вам, что произошло в Версале? Тьер не освободил Бланки только потому, что предчувствовал такую развязку, надеялся на нее... Ему нужны были и эти вожди, и трупы священнослужителей, и тела всех этих жертв, чтобы подпереть ими свое президентское кресло...

– Возможно, что это и так! – возразил один из рядовых бойцов. – Но пока пусть знают, что если Коммуна издает декреты в шутку, то народ выполняет их всерьез... Моя пуля, во всяком случае, не пропала даром.

Четверг. Мэрия Бельвилля

Я застал Ранвье в мэрии Бельвилля.

Он только что обошел всю линию обороны и вернулся совершенно подавленный.

Снаряды падают дождем. Пули изрешетили крышу, с потолка на нас сыплется штукатурка. Ежеминутно приводят новых арестованных и тут же хотят их расстрелять.

Во дворе шум.

Я высовываюсь в окно. Какой-то человек, без шляпы, в штатском платье, выбирает удобное место и становится спиной к стене, готовый к смерти.

- Так хорошо?

- Да!

- Пли!

Он упал... но еще шевелится.

Еще один выстрел из пистолета в ухо. На этот раз он уже недвижим.

Зубы у меня стучат.

- Надеюсь, ты не собираешься упасть в обморок из-за раздавленной мухи, - говорит мне Тренке, входя в комнату и вытирая пистолет.

Пятница. Улица Аксо

- Собираются отправить на тот свет еще целую пачку.

- Кого?

- Пятьдесят два человека - попы, жандармы и шпионы.

Еще одна бойня вне битвы!

Я понимал их, когда они расстреливали архиепископа, как когда-то обезглавили короля. Этого требовала идея, они считали, что необходим пример... Но что поделаешь! Библия плеев, как и средневековый требник, имеет свои красные заставки; свой красный обрез...

Вот они!

Молча двигаются они вперед, во главе с высоким старым вахмистром. Он идет прямо, по-военному... за ним следуют священники, путаясь в рясах, иногда бегом, чтобы догнать свой ряд.

Разница в походке не мешает ритму, и кажется, что слышишь «раз, два!» марширующей роты.

Следом за ними идет толпа.

Еще не чувствуется ни суматохи, ни лихорадочного возбуждения.

Но вот раздается визг какой-то мегеры... теперь им несдобровать, они погибли!

– К нам, члены Коммуны! На помощь!

Члены Коммуны прибегают со всех сторон, сбиваются в кучу, стараясь оттеснить толпу. Они кричат, бранятся... некоторые даже плачут.

Коммуну посылают ко всем чертям!

Позади, стараясь не отставать, семенит со всей доступной его шестидесятилетним ногам скоростью старик, без шапки, со спутанными, мокрыми от пота волосами.

Я узнаю его.

Этого едва передвигающего ноги человека с трясущейся головой я встречал в последние дни империи и во время осады у папаши Беле. Мы ссорились: они упрекали меня в недисциплинированности и кровожадности.

Я окликнул его:

– Скорее идите к нам на помощь, через пять минут их убьют!

Толпу начинает охватывать ярость. Какая-то маркитантка кричит: «Смерть им!»

Старец останавливается, чтобы перевести дыхание, и, размахивая ружьем, которое держит в своих сморщенных руках, повторяет, в свою очередь: «Смерть! Смерть!»

– Как? И вы тоже!..

Он отталкивает меня как сумасшедший.

- Дайте же мне пройти! Их шестьдесят?.. Это как раз то число, которое мне нужно! Я только что видел, как версальцы расстреляли шестьдесят человек, пообещав сначала оставить их в живых.

- Послушайте!

- Убирайтесь к черту, или я вас пристрелю!

.....

Стреляет взвод. Сначала несколько отдельных выстрелов, затем грохот залпов, долгий-долгий... нескончаемый...

.....

Федераты возвращаются, обмениваясь впечатлениями.

Усевшись за столиком маленького кафе, старик вытирает лоб. Он подзывает меня.

- Я вам только что нагрубил, но теперь, когда все кончено, можно и поздороваться. Ах, дорогой мой, я вознагражден. Если б вы видели Ларжильера... он прыгал, как кролик.

Ларжильер?.. Я так и думал!

- Но остальные?

- Остальные? Они поплатились за предательство улицы Лафайет. Это уже не политика, а убийство! Я ничего не понимаю в ваших махинациях, это Галифе[215] толкнул меня на это дело! Я вовсе не за коммунаров, но я против палачей в эполетах... Пусть мне укажут еще угол, из-за которого надо стрелять, и я пойду туда.

И взгляд его пылал гневом под снегом ресниц.

Мимо проходила женщина, он остановил ее.

- Выпейте стаканчик с нами.

- С удовольствием, только сначала пойду попрошу воды, чтобы замыть обшлага.

Ей лет тридцать, недурна, вид болезненный.

Она вернулась, и завязался разговор.

